

УДК 821.161.1.0.
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Марина Алексеевна Самарина

Независимый исследователь, кандидат филологических наук, Россия, Москва,
e-mail: miss.samarina2011@yandex.ru

Стихотворение Вл. Соловьёва «Три подвига» как один из источников цикла А. Блока «Снежная маска»

Аннотация. Рассматривается возможность включить стихотворение Вл. Соловьёва «Три подвига» в круг источников цикла А. Блока «Снежная маска». Анализируются различия между традиционными мифологическими текстами и их интерпретациями в стихотворении Вл. Соловьёва «Три подвига». Отмечается, что символисты видели в стихотворении Вл. Соловьёва не только ключ к его творчеству, но и план действий поэта-теурга по преображению жизни. Обосновывается решение сопоставить тексты стихотворения Вл. Соловьёва и стихотворений цикла А. Блока «Снежная маска». Проводится сравнительный анализ образов названных произведений Вл. Соловьёва и А. Блока, в лирическом герое «Снежной маски» выявляются черты Пигмалиона и Персея. Проводится сопоставительный анализ цикла «Снежная маска» и стихотворения В. Иванова «Орфей растерзанный», устанавливаются многочисленные переклички между этими произведениями. Отмечается сходство некоторых деталей стихотворений цикла «Снежная маска» и стихотворения А. Блока «Вот он, Христос, в цепях и розах...», выявляются параллели сюжета стихотворения «Прочь!» с евангельским рассказом об искушении Иисуса после крещения, что также дает основания назвать лирического героя цикла Орфеем. Делается вывод о стихотворении Вл. Соловьёва «Три подвига» как об одном из источников цикла А. Блока «Снежная маска».

Ключевые слова: «Три подвига» Вл. Соловьёва, «Снежная маска» А. Блока, житнетворчество, образ Пигмалиона, мотив опрокидывания, орфическая мифологема, «Орфей растерзанный» Вяч. Иванова

Marina Alekseevna Samarina

Independent researcher, PhD (Philology), Russia, Moscow, e-mail: miss.samarina2011@yandex.ru

Vladimir Solovyov's Poem "Three Exploits" as a Source for Aleksandr Blok's Cycle "The Snow Mask"

Abstract. This article considers the possibility of including Vladimir Solovyov's poem *Three Exploits* within the sources of Aleksandr Blok's cycle *The Snow Mask*. While exploring the differences between a number of traditional mythological texts and their interpretations in the poem, this article also highlights the fact that not only symbolists did consider Solovyov's poem as the key to his works but also as his plan of action for the transfiguration of life. In this respect, the author compares Solovyov's poem and Blok's cycle so to reveal that many features of the protagonist of *The Snow Mask* are similar to Pigmalion and Perseus. Furthermore, a comparative analysis of the cycle *The Snow Mask* and Vyacheslav Ivanov's poem *Orpheus torn to Pieces* is carried out. The latter reveals, in fact, numerous similarities between these two works. More analogies are also observed between *The Snow Mask* and

Aleksandr Blok's poem *Here he is, Christ, in chains and roses ...*, as well as between the plot of the poem "Away!" and the gospel story about Jesus' temptation after baptism. All these readings allow to think that Orpheus may be considered as the lyrical hero of the cycle. In conclusion, Vladimir Solovyov's poem *Three Exploits* can be reasonably listed as one of the sources for Aleksandr Blok's cycle *The Snow Mask*.

Key words: Vl. Solovyov's "Three Exploits", A. Blok's "The Snow Mask", The Creation of Life, Pygmalion's Image, The Overturning Motif, Medusa and Andromeda as Doubles, The Orphic Mythologeme, Ivanov's "Orpheus Torn to Pieces"

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.2.026-042

Влияние творчества и личности Владимира Соловьева на Александра Блока бесспорно. Все «младшие» символисты были «соловьевцами» по преимуществу. Блок не раз называл Вл. Соловьева своим учителем, о том же писали А. Белый и В. Иванов. Поэтому неудивительно, что в абсолютном большинстве исследований, посвященных поэзии Блока, упоминается имя Вл. Соловьева. Системное изучение темы «Вл. Соловьев и Ал. Блок» было начато Д.Е. Максимовым¹, продолжено В.Н. Орловым², З.Г. Минц³ и другими⁴. При этом стихотворение «Три подвига» долго оставалось вне круга интересов литературоведов. Темой для специального исследования оно стало сравнительно недавно⁵, а как источник мотивов и образов конкретных произведений Блока не рассматривалось даже в тех работах, где упоминалось. Так, Д.М. Магомедова, отмечая, что в отношении античных мифов Блок следовал за Вл. Соловьевым, лишь указывает на стихотворение «Три подвига» как на пример, «в котором мифы об Орфее и Пер-

¹ См.: Максимов Д.Е. Материалы из библиотеки Ал. Блока (к вопросу об Ал. Блоке и Вл. Соловьеве) // Ученые Записки ЛГПИ. Т.184. Факультет языка и литературы. Вып. 6. Л. 1958. С. 352–385 [1] (более полную версию см.: Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1981. С. 115–189 [2]).

² См.: Орлов В.Н. Александр Блок. Очерк творчества. М.: ГИХЛ, 1956 [3].

³ См.: Минц З.Г. Поэтический идеал молодого Блока // Блоковский сб. Тарту, 1964. С. 172–225 [4]; Минц З.Г. Блок и русский символизм // Александр Блок. Новые исследования и материалы. Кн.1. М.: Наука, 1980. С. 99–173 [5].

⁴ Из опубликованного в последние годы следует отметить монографии Т.В. Игошевой и В.А. Сарычева, в которых теме влияния Соловьева уделено существенное внимание. См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904). Поэтика религиозного символизма. М.: Яск, Глобал Ком, 2013. 398 с. [6]; Сарычев В.А. Феномен русского модернизма. Религия. Эстетика. Творчество жизни. М.: Флинта, 2018. 704 с. [7].

⁵ См.: Янсен А. Стихотворение «Три подвига» – ключ к пониманию философии любви Вл. Соловьева как трехчленного процесса // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 119–130 [8]; Болнова Е.В. Осмысление Владимиром Соловьевым мифа об Орфее и Эвридике в контексте философии любви // Болнова Е.В. Рецепция мифа об Орфее и Эвридике в литературе Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. С. 52–60 [9].

сее связываются именно с мотивом жизненного подвига – спасения Мировой души»⁶. Н.П. Крохина, процитировав статью Блока «Рыцарь-монах», добавляет: «Об эсхатологии этого подвига повествуют стихи Соловьева “Дракон” и “Три подвига”» [11, с. 256]. Т.В. Игошева цитирует фрагменты воспоминаний С.М. Соловьева и его адресованного А. Блоку письма, в которых речь идет о стихотворении «Три подвига», но, как и сам С.М. Соловьев, соотносит стихотворение не с творчеством, а с жизненным путем А. Блока⁷. Е.В. Глухова в статье «Я, самозванец, Орфей...»⁸, отметив «программность» «Трех подвигов» для «младших» символистов, именно этим стихотворением объясняет их интерес к мифу об Орфее и Эвридике и ракурс восприятия этого мифа, но область исследования в статье ограничена текстами, в которых упоминается Орфей, поэтому на страницах, посвященных Блоку, анализируются почти исключительно прозаические источники – личные записи и переписка поэта.

Действительно, стихотворение «Три подвига» было не только ключом к лирике Вл. Соловьева⁹, но и своего рода жизненной программой философа. Символисты, видевшие в мыслителе «дерзновенного новатора жизни»¹⁰, полагали, что стихотворение «указывает путь торжества духовного начала над материей»¹¹, а описанные «подвиги» понимали как три задачи, стоящие перед человечеством¹². Для символистов, вслед за «лирником Орфеем»¹³ считавших художников теургами и мечтавших о преображении мира средствами искусства, стихотворение было ориентиром в исканиях, «костылями», на которые они могли опираться. «Подвиги» воспринимались как вехи правильно проживаемой жизни, и именно с этих позиций в начале века оценивали жизненный путь Блока его друзья-символисты. Так, Сергей Соловьев писал Александру Блоку в 1903 году: «Не забудь, впрочем, что для совершения третьего подвига надобно совершить прежде второй ... Итак, мой милый, дорогой Пигмалион, будь Персеем, и тогда уж Орфей овладеет Евридикой в вечности» [17, с. 338]. Образы стихотворения Вл. Соловьева использовал и сам Блок, отвечая на вопросы Андрея Белого о путях преображения жизни, о долге рыцаря Прекрас-

⁶ См.: Магомедова Д.М. Блок и античность // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А.Блока. М.: Мартин, 1997. С. 65 [10].

⁷ См.: Игошева Т.В. Указ. соч. С. 213–214.

⁸ См.: Глухова Е.В. «Я, самозванец, «Орфей»...» (Орфическая мифологема в символистской среде) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 248–256 [12].

⁹ См.: Брюсов В.Я. «Владимир Соловьев. Смысл его поэзии» // Брюсов В.Я. Сочинения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1987. Т.2. С. 245 [13].

¹⁰ См.: А. Белый. Владимир Соловьев. Из воспоминаний. // Вл.Соловьев: Pro et contra. СПб., Изд-во Русского христианского гуманитарного института. 2000. С. 299 [14].

¹¹ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. С. 171 [15].

¹² См.: Брюсов В.Я. «Владимир Соловьев. Смысл его поэзии». С. 245.

¹³ См.: Иванов В.И. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В.И. Собрание сочинений в 4 т. Т.3. Брюссель, 1979. С. 297 [16].

ной Дамы: «... “первый подвиг” совершал я в непреодолимой тоске, как будто предчувствуя, что за первым будет (должен быть) второй и третий – преодоление дракона и смерти. Второго подвига я, может быть, никогда не свершу...» [18, с. 255]. Мысли об этом не отпускали Блока и позднее. Так, в статье «Рыцарь-монах», посвященной 10-летию смерти Вл. Соловьева, поэт призывает современников к тому, «чтобы каждый из нас был верен древнему мифу о Персее и Андромеде»¹⁴, т.е. считает актуальной задачей сегодняшнего дня «второй подвиг». Таким образом, можно сказать, что стихотворение «Три подвига» жило в сознании Блока в течение многих лет, но это значит также, что идеи этого стихотворения в том или ином виде должны были проявиться и в лирике поэта. Чтобы понять, где искать эти проявления, вернемся к переписке А. Блока. Оба процитированных письма говорят об одном: и сам Блок, и его ближайшие друзья, младосимволисты, в 1903 году считали, что «подвиг» Пигмалиона он уже совершил. Но в чем именно состоял этот «подвиг»? Посмотрим, как рассказывает о нем Вл. Соловьев:

Когда резцу послушный камень
Предстанет в ясной красоте
И вдохновенья мощный пламень
Даст жизнь и плоть своей мечте,
У заповедного предела
Не мни, что подвиг совершен,
И от божественного тела
Не жди любви, Пигмалион! [20, с. 33]

Если в мифе статую Галатеи оживляет Афродита, тронутая мольбами скульптора в полном соответствии с его именем: Пигмалион (Πυγμαλίων) по-гречески – «сильно молящийся», то у Соловьева каменное изваяние обретает жизнь благодаря «мощному пламени» вдохновения¹⁵. Именно вдохновение делает Пигмалионом и Блока: поэт не создавал материальной красоты, но его восхищение небесным идеалом, вызвавшее к жизни молитвенную лирику первого тома, было столь вдохновенным, «мощным», что призыв воплотиться не остался без ответа и поэту дано было отыскать Ее в земном мире, в девичьем облике.

Спустя несколько лет в жизни поэта снова возникает похожая ситуация: созданный им образ обретает земные черты. А. Блок узнает ту, чье лицо увидел «в ночной завывающей стуже», в Н.Н. Волоховой, встречу с которой, как он сам считал, «себе напорочил»¹⁶. Можно предположить, что, снова ощутив се-

¹⁴ См.: Блок А.А. Рыцарь-монах // Александр Блок о литературе. М.: Худож. лит., 1989. С. 263 [19].

¹⁵ См. Болнова Е.В. Указ. соч. С. 54–55.

¹⁶ См.: Блок А.А. Записные книжки 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. С. 87 [21].

бя Пигмалионом, поэт попытается совершить и остальные «подвиги» и что в образе лирического героя «Снежной маски» – цикла, вдохновленного Н.Н. Волоховой и посвященного ей, – проявятся черты Пигмалиона, Персея и Орфея.

Для Блока периода «Снежной маски» «подвиг» Пигмалиона не представляется трудным, это знакомый, пройденный этап, поэтому о нем написано кратко. В двух первых стихотворениях цикла намечены основные фазы первого «подвига»: видение – стихи о нем – встреча на земле. Лирический герой видит героиню в «живых струях» «чаши винной», в одной с ним реальности ее пока нет. Затем он запечатлевает ее образ в стихах:

Да. Я с тобой незнаком.
Ты стихов моих пленная вязь. [22, с. 8]

Стихи, словно заклинания, вызывают видение из звездного мира в земной, и происходит встреча «на темном мосту», причем мотив пленения словом трансформируется в мотив пленения души земным телом:

Ты смотришь все той же пленной душой
В купол все тот же – звездный... [22, с. 9]

Тема получает продолжение во второй части цикла. Уже с первого стихотворения появляется возможность соотнести героиню с Галатеей: теперь на ней надета маска, т.е. подчеркнуто несоответствие внешнего и внутреннего. При этом маска обозначает не только часть костюма, закрывающую лицо, но и само лицо, человеческий облик в целом. Ощущая в героине присутствие Иного, лирический герой ее чувственно воспринимаемый облик считает маской:

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь. [22, с. 22]

При этом сама героиня не знает о скрытой в ней сущности:

Как странны были речи маски.
Понятны ли тебе? Бог весть.
Ты твердо знаешь: в книгах сказки,
А в жизни только проза есть. [22, с. 27]

Лирический герой нисколько не смущен этим (А. Блок полагал, что «само лицо не может знать, присутствует Она в нем или нет»¹⁷):

---

¹⁷ См.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. С. 68.

Но для меня неразделимы
С тобою – ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки. [22, с. 27]

Пытаясь пробудить воспоминания, он «вкруг девицы заплетает вязь», «рассказывает сказки». Эти упоминания о сказках и книгах («А в шкапу дремали книги», «Улетевший с книжной дверцы / Амур»), а чуть позднее – о стихах, которые лирический герой читает героине («Смотри: я спугал все страницы...»), акцентируют мотив поэтического творчества. В связи с этим книжный шкаф, в котором, отделенные от повседневной реальности «резной старинной дверцей», «дремлют» заключенные в слова видения, превращается в своеобразный аналог иного мира. Символическую границу между мирами сторожит Амур – «голый мальчик на одном крыле». Пока у него только одно крыло, он не может улететь; это значит, что только вдохновения недостаточно для того, чтобы стереть границу между мирами, нужно второе крыло – влюбленность. И, когда между героем и героиней возникает связь («Луч, протянутый от сердца – / Тонкий цепкий шнур»), Амур улетает и дверца открывается.

Итак, влюбленность и «вдохновенья мощный пламень» уничтожили границу между духовным и материальным, между поэзией и жизнью, и, значит, «подвиг» Пигмалиона совершен.

Теперь герою предстоит совершить второй подвиг. Вот как рассказывает о нем Вл. Соловьев:

... Скала над бездною висит,
Зовет в смятенье Андромеда
Тебя, Персей, тебя, Алкид!
Крылатый конь к пучине прынул,
И щит зеркальный вознесен,
И опрокинут – в бездну канул
Себя увидевший дракон. [20, с. 33]

Как видим, Вл. Соловьев частично трансформирует мифологический сюжет. В наиболее распространенном варианте мифа Персей убил дракона тем же серповидным мечом, которым обезглавил Медузу. Согласно другому варианту, чудовище окаменело, когда Персей показал ему отрубленную голову Медузы¹⁸. А у Вл. Соловьева не Персей убивает дракона – дракон уничтожает себя сам. Кроме того, в обеих версиях мифа Персей летит на подаренных Гермесом крылатых сандалиях, а не верхом на Пегасе, как у Вл. Соловьева. Хотя в стихотворении конь не назван по имени, можно утверждать, что это Пегас, поскольку

¹⁸ См.: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 343 [23].

ку его рождение напрямую связано с гибелью Медузы: когда Персей отсек ей голову, из ее мертвого тела и возник Пегас. Образы крылатого коня и зеркального щита позволяют обратиться к «предыстории» мифа о спасении Андромеды, т.е. к убийству Персеем Медузы, посмотреть на оба «подвига» как на единое целое. В самом деле, каким бы способом ни был убит дракон, чтобы стало возможным спасение Андромеды, Медуза должна была погибнуть. Иначе у Персея не было бы средств для победы над драконом, да и сам герой, скорее всего, не оказался бы в нужном месте в нужное время.

Кроме того, на связь, существующую между героинями, указывают их имена. Древнегреческое слово Μέδουσα является действительным причастием настоящего времени в форме единственного числа женского рода от глагола μέδω («защищать, покровительствовать, властвовать») и может быть переведено как «повелительница» или «защитница». Наряду с корнем Ἀνδρ-, тот же корень -μέδ- видим в имени *Андромеда*; это позволяет перевести ее имя как «повелительница мужчин» или «защитница людей». Сближает героинь также и то сильное впечатление, которое производила каждая из них (Персей с первого взгляда влюбился в Андромеду, а взгляд на Медузу обращал в камень, причем, возможно, это означало, что она была настолько хороша собой, что видевшие буквально столбенели от ее красоты – во всяком случае, Пиндар, рассказывая об убийстве Медузы, говорит о ее «прекрасных щеках»¹⁹), и то, что роковую роль в судьбах обеих сыграл Посейдон. Сказанное позволяет увидеть в Андромеде и Медузе не только воплощения двойственной женской природы (героини – «повелительницы» и «защитницы» одновременно), но и своеобразных двойников.

Чем похожа героиня блоковского цикла на женские образы мифа о Персее? В стихотворении «Последний путь» она «в (снежной) пене», она «закована (в снега)». Если опустить «снежные» определения, то сходство с Андромедой, зовущей спасителя, станет очевидным. С другой стороны, героиня «Снежной маски» наделена узнаваемыми чертами Медузы Горгоны: это «тяжелозмейные волосы», пронзительный («пронзай меня, / Крылатый взор») и сковывающий взор («сковала взорами»). Таким образом, героиня «Снежной маски» – это и Медуза, и Андромеда одновременно. Невинная жертва зла, она и несет зло, и сама нуждается в спасении.

Но от кого ее спасать? В «Снежной маске» дракона как отдельного существа нет. «Маки злых очей» в пещере, т.е. горящие огнем из темноты глаза, – узнаваемая деталь сказочно-мифологического драконьего облика – появляются лишь однажды, в стихотворении «Прочь!», причем речь явно идет о самой героине, о глазах которой в других стихах цикла сказано: «расцвели», «вспыхнули», «светят». И поскольку дракон – это крылатая змея, а мотивы змеи и кры-

¹⁹ См.: Пиндар.< Горгона> Мидасу Акрагантскому // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., Наука, 1980. С. 115 [24].

льев связаны с героиней («Змеишься в чаше золотой», «На конце ботинки узкой / Дремлет тихая змея», «И ты, осенившая крылами белоснежными», «Крылатый взор» и др.), то она и есть дракон. Зло в ней самой. В связи с этим определение «закованная» может подразумевать не только «в цепи», но и «в броню». «Зов закованной в снега», таким образом, может быть не только мольбой о спасении, но и вызовом на бой и даже тем и другим одновременно.

И поскольку героиня – и носительница зла, и пленница, лирический герой не может просто «убить дракона». Нужна другая тактика. Но ведь и Вл. Соловьев предлагает иной, чем в мифе, способ уничтожить зло. И лирический герой «Снежной маски» отказывается от борьбы, отдаваясь метелям, т.е. впуская в себя зло, чтобы в этом уподобиться героине. Он принимает «второе крещение» (в этом и состоит его «второй подвиг»), полагая, что «путь открыт наверно к раю / Всем, кто идет путями зла», т.е. что возможно победить зло изнутри.

В цикле А. Блока есть и словесная переключка со стихотворением Вл. Соловьева: у Соловьева – «опрокинут – в бездну канул... дракон», в «Снежной маске» – лирический герой «опрокинут в темных струях», и связано это, как и у Соловьева, с отражением (в «чаше винной» или глазах героини – не так уж важно). В дальнейшем мотив «опрокинутости» связывается с выбором героя – остаться с героиней:

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле! [22, с. 20]

И вместе с героиней он летит в бездну:

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну... [22, с. 11]

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн... [22, с. 9]

Рукою, подъятой к тучам,
Ты влечешь меня к безднам! [22, с. 20]

Мы – в бездне звездной! [22, с. 20]

Итак, опрокидывание в блоковском цикле означает переход на сторону зла: герой впускает в себя зло и, как дракон, летит в бездну. Это, в общем, уже начало третьего «подвига»: дракон будет побежден лишь тогда, когда будет пройдена грань между жизнью и смертью.

В стихотворении Вл. Соловьева также есть строчки, которые объединяют «подвиги» Орфея и Персея: то, что служит предысторией последнего подвига, выглядит поначалу как продолжение рассказа о Персее и Андромеде:

Но незримый враг восстанет,
В рог победный не зови –
Скоро, скоро тризной станет
Праздник счастья и любви.
Гаснут радостные клики,
Скорбь и мрак и слезы вновь... [20, с. 33]

В блоковском цикле, с одной стороны, как у Соловьева, выстраивается последовательность: лирический герой только что прошел через второе крещение, а «крещением третьим *будет* смерть», с другой – в сюжете цикла две истории как бы накладываются друг на друга и лирический герой – это Персей и Орфей одновременно.

Наконец, третий, главный подвиг – победа над смертью – в стихотворении Вл. Соловьева излагается так:

Но воспрянь! Душой недужной
Не склоняйся пред судьбой,
Беззащитный, безоружный,
Смерть зови на смертный бой!
И на сумрачном пороге,
В сонме плачущих теней
Очарованные боги
Узнают тебя, Орфей!
Волны песни всепобедной
Потрясли Аида свод,
И владыка смерти бледной
Эвридику отдает. [20, с. 33–34]

Рассказав о спасении Эвридики, Вл. Соловьев не говорит о последующей новой ее потере, у него Орфей безоговорочно побеждает смерть. Символисты, подхватив эту идею, занялись созданием неомифа об Орфее, конкретизируя то, что в мифе античном было лишь намечено, иногда по-своему интерпретируя события мифа, но, что важно, для символистов это был все тот же Орфей. Надо думать, что и А. Блок, читая в стихах «коллег по цеху» об Орфее, скорее всего, не отделял его от спасителя Эвридики, о котором писал Вл. Соловьев.

Символистский неомиф об Орфее включал в себя не только его сошествие в Аид, но и путешествие с аргонавтами и, конечно, его трагическую гибель от рук вакханок. Последнее обстоятельство в глазах символистов уподоб-

ляло Орфея Дионису. Дионисийские мотивы в «Снежной маске» отмечала еще З.Г. Минц²⁰, справедливо связав их появление с поэзией Вяч. Иванова. Но Вяч. Иванов и в Орфее видел дионисийское начало: «Жрец Солнца Орфей пал жертвою женщин и, растерзанный, уподобился их Дионису»²¹, а потому присутствие дионисийского в «Снежной маске» можно считать свидетельством того, что лирический герой блоковского цикла – это, в том числе и Орфей.

Сопоставление текстов «Снежной маски» и стихотворения Вяч. Иванова «Орфей растерзанный» (1904 г.) подтверждает эту гипотезу, поскольку обнаруживает детальное сходство в историях гибели обоих героев.

Стихотворение построено как диалог Океанид с Орфеем, в конце которого являются менады:

Мы – девы морские, Орфей, Орфей!
Мы – дети тоски и глухих скорбей!
Мы – Хаоса души! Сойди заглянуть
Ночных очей в пустую муть!

Мы – смута и стоны, Орфей, Орфей!
Мы пут препоны, тугу цепей
Хотим стряхнуть! Сойди зачерпнуть,
Захлебнуть нашу горечь в земную грудь!

Мы телами сплелись, Орфей, Орфей!
Волосами свились, как поле змей!
Тоска нам гложет белу грудь –
Грудь хочет, не может со дна вздохнуть!

В белу грудь мы бьем, Орфей, Орфей!
Мы: Забудь – поем – о тюрьме своей!
Отдай нам, смертный, земную грудь –
Твой плен размыкать и разметнуть!

Размыкать, что жило собой, Орфей,
Себя что мнило тюрьмой своей!
Дай перси земные – к ним прильнуть,
Дай в очи дневные всей тьмой взглянуть! [28, с. 801]

²⁰ См.: Минц З.Г., Юлова А.П. Из комментария к циклу Блока «Снежная маска» // Уч. записки Тартуского университета. № 620. 1983. С. 99–108 [25]. Минц З.Г. А. Блок и В. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции // Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство СПб., 2000. С. 619–627 [26].

²¹ См.: Иванов В.И. Древний ужас. По поводу картины Л. Бакста «Terror Antiquus» // Собрание сочинений в 4 т. Т.3. Брюссель, 1979. С. 105 [27].

Итак, «Девы морские» призывают Орфея, а герой «Снежной маски» слышит «зов закованной в снега». Метафоры «снежные брызги», «меч... утонул в серебряной вьюге» напоминают, что снег – это вода.

Океаниды называют себя душами Хаоса и призывают Орфея заглянуть в «пустую муть» их «ночных очей»: «Дай в очи дневные всей тьмой взглянуть!» Героиня «Снежной маски» напоминает герою, что «дала глядеть ей в очи», а «из очей ее... светит мгла», в них «снежный мрак».

Океаниды «волосами свились, как поле змей» – у героини Блока «тяжелозмейные волосы».

Дочери Океана просят Орфея помочь им освободиться, а для этого певец должен принять на себя часть их страданий:

Мы пут препоны, тугу цепей
Хотим стряхнуть! Сойди зачерпнуть,
Захлебнуть нашу горечь в земную грудь!

Океаниды призывают Орфея отдаться им во власть с тем, чтобы его «плен размыкать и разметнуть», т.е. призывают его впустить в себя тьму, хаос, тоску и скорби; разомкнуть тюрьму – значит отказаться от отдельного от мира существования.

Герой «Снежной маски», откликнувшийся на «зов закованной в снега», понявший его как мольбу о спасении, выпускает в себя «метели», несется в бездны навстречу гибели, и скоро от него останется лишь «легкий пепел», который героиня «разметет по равнине снеговой». То есть с ним происходит, по сути, именно то, к чему призывали Океаниды Орфея.

Орфей говорит, что пришел «лирой славить» Солнце. Лирическому герою «Снежной маски» солнечное начало также изначально близко: в связи с метафорой «солнце сердца» («Но бредет за дальним полюсом / Солнце сердца моего...») можно говорить о его солнечной сущности.

Усмиривший Океанид, Орфей знает, что ему предстоит мучительная смерть от рук вакханок. Именно «растерзание» и приведет к проявлению божественной, дионисийской сущности Орфея, так как менады – служительницы Диониса. Орфей не противится своему жребию, уверенный, что это необходимо «во исполненье Жизни»:

Я жду. Исполнишь кровью. Брызги,
Луч, жрец предвечного огня!
И лик твой жертвенный – меня
Венчай во исполненье Жизни! [28, с. 803]

Лирический герой Блока, как Орфей, принимает жребий жертвы, он даже «просит гибели», и можно сказать, что в губящей его героине соединены черты

океанид и менад. С последними героиню роднит сложное отношение к герою: как «неистовые сестры» шли, чтобы «жертвы плоть лобзать, пронзать, терзать», так и его «ласкают вьюги... пронзили снежные иглы!». Он «устал от ласк подруги», чей «крылатый взор» пронзал «иглою снежного огня», и та, которая «пела», «любила», поцелуи «дарила от зари и до зари», сжигает его на костре²². При этом в сожжении участвуют некие «сестры – пряжи снежных зим», чье наименование перекликается с обращением к менадам: «сестры – светы тихих лон».

Менады «растерзали вечный лик» Орфея, но он погибает на рассвете, и гибель его неокончательна: «Вновь из волн порабощенных /Красным солнцем встанет он», а потом все повторится... Блоковский герой гибнет ночью, а значит, воскресение под вопросом. Но в момент смерти темный рыцарь становится светлым («Так гори и яр, и светел...»), так что, возможно, в итоге благодаря его жертве свет все же победит тьму.

Итак, Блок соединяет обе части мифа об Орфее: чтобы спасти героиню, его герой не просто «спускается в Аид», а принимает ритуальную мученическую смерть – третье крещение.

Благодаря разработке символистами мотива гибели Орфея, античный певец уподобляется Христу. Но основание для сопоставления Орфея с Христом дает и Вл. Соловьев, заканчивая стихотворение на победной ноте. И, в общем, это не было чем-то совершенно новым: Орфей как прообраз Христа упоминается уже раннехристианскими историками. Следовательно, черты, сближающие лирического героя «Снежной маски» с Христом, можно считать указывающими и на Орфея. Это не только мотив смерти на кресте.

После второго крещения героиня заставляет лирического героя смотреть ввысь, «пока не забудет того, что любит». И он забывает «приметы / Страны прекрасной». А позднее признается, что «всех забыл, кого любил». Необходимость забыть о любимом Блок считал одним из условий для постижения Христа. Об этом он пишет в стихотворении «Вот он, Христос, в цепях и розах...» (1905 г.): «И не постигнешь синего ока, / Пока не станешь сам, как стезя... / Пока ... / Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь...» [18, с. 255].

Обращение к этому стихотворению в контексте нашей темы представляется оправданным, поскольку его текст был приложен к тому цитированному выше письму, в котором Блок интерпретирует свой жизненный путь сквозь призму «Трех подвигов»²³. Это говорит о том, что поэт ощущал созвучие этих стихотворений. Таким образом, поскольку лирический герой «Снежной маски» «всех забыл, кого любил», можно сказать, что выбранная им стезя, по Блоку, соотносима с путем Христа.

Намек на Христа есть также в стихотворении «Тени на стене»: «Рыцарю с темными цепями / На стальных руках» дама настойчиво говорит о розах и,

²² См.: Блок А.А. Собрание сочинений в 6 т. Т.2. Ленинград: Худож. лит., 1980. С. 20, 31–32.

²³ См.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. С. 255.

судя по всему, надеется, что он попросит у нее эти розы, и мотив соединения цепей и роз, пусть и несостоявшегося, напоминает о стихотворении «Вот он, Христос, в цепях и розах...». Кроме того, в стихотворении Христос назван «ангелом кротким в белых ризах», а в белых одеждах Христа изображают либо на иконе Преображения, либо на иконе Воскресения (Сошествия во ад), что снова актуализирует параллель с Орфеем.

Наконец, сюжет стихотворения «Прочь!» соотносим с евангельским рассказом об искушении Иисуса после принятия крещения: «Был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаной, и был со зверями; и Ангелы служили Ему» (Марка 1:13). «Злые звери» стерегут лирического героя в его «келье», куда «рая дочери», «ангелы», «солнца» входят с целью его спасти. Но он, опрокинутый, гонит их как искусителей, пришедших, чтобы «поднять крылами», «вскружить хвалами», «пронзить ... Дарами и Причастием». При этом он продолжает четко различать добро и зло, ясно видит, что к нему обращаются «рая дочери», но остается со злыми зверями, отвергая ангелов, уверенный, что они не могут ему помочь: «Вам забвенью и потере не помочь».

Герой «Снежной маски» забыл «всех..., кого любил». Но что он потерял? В цикле сказано лишь о потере меча, утонувшего в серебряной выюге, но в стихотворении «Дома растут, как желанья...» (1902 г.) читаем: «Ты, Орфей, потерял невесту...». Тот факт, что названное стихотворение единственное в творчестве Блока, в котором упомянут Орфей, по нашему мнению, служит обоснованием для его сопоставления со «Снежной маской». Кроме того, по замечанию Л. Силард, стихотворение «прихотливо контаминирует два круга сказаний об Орфее»: сошествия в Аид за Эвридикой и жертвенной гибели певца (поскольку «благовонный речной цветок», всплывающий в месте гибели лирического героя, «может быть воспринят в качестве головы Орфея»²⁴). При таком прочтении стихотворение «Дома растут, как желанья...» можно рассматривать как еще один реминисцентный источник орфической линии «Снежной маски», в которой тоже объединены два мифа об Орфее. Поступок лирического героя, соотносимого с вторично потерявшим Эвридику Орфеем, таким образом, косвенно подтверждает правоту наших рассуждений о лирическом герое «Снежной маски»: именно убежденность последнего в том, что «рая дочери» не помогут спасти возлюбленную, заставляет его отказаться от собственного спасения и покорно принять смерть в надежде если не освободить героиню, то хотя бы воссоединиться с ней.

Итак, Блок соединяет миф о спасении Эвридики с мифом о гибели Орфея. При этом первый сюжет он, подобно Вл. Соловьёву, трансформирует, воспроизводя не полностью, но, в отличие от Соловьёва, не дает ему и оптимистического завершения: лирический герой «Снежной маски» уходит в нижний

²⁴ См.: Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 85 [29].

мир. «Цари и герои минувшего дня», «снежные жертвы» героини, желают ему «восстать из мертвых». Но что с ним будет дальше – неясно.

В более поздних стихах того же 1907 года лирический герой А. Блока также сопоставляется с Христом. В стихотворении «Ты отошла, и я в пустыне...» он «невоскресший Христос», а в первой части триптиха «Осенняя любовь» («Когда в листе сырой и ржавой...») «изнемогает на кресте», видит плывущего к нему Христа, но не уверен в собственном воскресении. Это говорит о том, что вскоре после завершения цикла поэт усомнился в правильности пути, выбранного героем «Снежной маски».

Таким образом, можно сделать вывод о стихотворении Вл. Соловьева «Три подвига» как об одном из источников цикла А. Блока «Снежная маска». Прочтенное как руководство к действию, прославляющее великую силу любви и подчеркивающее роль творческого начала в преображении человека, стихотворение «Три подвига» служило своего рода камертоном судьбы для Александра Блока и других «младших» символистов, в 1900-е годы еще не осознавших утопичности заложенной в нем программы.

Список литературы

1. Максимов Д.Е. Материалы из библиотеки Ал. Блока (к вопросу об Ал. Блоке и Вл. Соловьеве) // Ученые Записки ЛГПИ. Т. 184. Факультет языка и литературы. Вып. 6. Ленинград, 1958. С. 352–385.
2. Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1981. С. 115–189.
3. Орлов В.Н. Александр Блок. Очерк творчества. М.: ГИХЛ, 1956. 262 с.
4. Минц З.Г. Поэтический идеал молодого Блока // Блоковский сб. Тарту, 1964. С. 172–225.
5. Минц З.Г. Блок и русский символизм // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 99–173.
6. Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904). Поэтика религиозного символизма. М.: Яск, Глобал Ком, 2013. 398 с.
7. Сарычев В.А. Феномен русского модернизма. Религия. Эстетика. Творчество жизни. М.: Флинта, 2018. 704 с.
8. Янсен А. Стихотворение «Три подвига» – ключ к пониманию философии любви Вл. Соловьева как трехчленного процесса // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 119–130.
9. Болнова Е.В. Рецепция мифа об Орфее и Эвридике в литературе Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. 283 с.
10. Магомедова Д.М. Блок и античность // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. С. 60–69.
11. Крохина Н.П. Гностическая София в поэзии Вл. Соловьева и Ал. Блока // Соловьевские исследования. 2002. Вып. 2(5). С. 240–263.
12. Глухова Е.В. «Я, самозванец, “Орфей”...» (Орфическая мифологема в символистской среде) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 248–256.
13. Брюсов В.Я. Владимир Соловьев. Смысл его поэзии // Брюсов В.Я. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1987. С. 242–255.
14. А. Белый. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Вл. Соловьев: Pro et contra. Т. 1. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института. 2000. С. 295–301.

15. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв. Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 496 с.
16. Иванов В.И. Религиозное дело Владимира Соловьёва // Иванов В.И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 295–308.
17. Переписка Блока с С.М. Соловьёвым (1896–1915) / вступ. ст., публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Александр Блок. Т. 92. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 308–414.
18. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
19. Блок А.А. Рыцарь-монах // Александр Блок о литературе. М.: Худож. лит., 1989. С. 256–263.
20. Соловьёв В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Моск. рабочий, 1990. 446 с.
21. Блок А.А. Записные книжки 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 686 с.
22. Блок А.А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. Ленинград: Худож. лит., 1980. 472 с.
23. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 1007 с.
24. Пиндар. <Горгона> Мидасу Акрагантскому // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980. С. 114–115.
25. Минц З.Г., Юлова А.П. Из комментария к циклу Блока «Снежная маска» // Ученые записки Тартуского университета. 1983. № 620. С. 99–108.
26. Минц З.Г. А. Блок и В. Иванов. Ст. 1: Годы первой русской революции // Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство СПб., 2000. С. 619–627.
27. Иванов В.И. Древний ужас. По поводу картины Л. Бакста «Terror Antiquus» // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 90–110.
28. Иванов В.И. Орфей растерзанный // Иванов В.И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 801–804.
29. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 85–99.

References

(Sources)

Collected Works

1. *Andrey Belyy i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Andrei Belyi and Aleksandr Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada, 2001. 608 p.
2. Belyy, A. Vladimir Solov'ev. Iz vospominaniy [Vladimir Solovyov. From memories], in *VI. Solov'ev: Pro et contra*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000, vol. 1, pp. 295–301.
3. Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 6 t., t. 2* [Collected works in 6 vol., vol. 2]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1980. 472 p.
4. Blok, A.A. Rytzar'-monakh [The knight-monk], in *Aleksandr Blok o literature* [Aleksandr Blok about literature]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989, pp. 256–263.
5. Blok, A.A. *Zapisnye knizhki 1901–1920* [The notebooks 1901–1920]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1965. 686 p.
6. Bryusov, V.Ya. Vladimir Solov'ev. Smysl ego poezii [Vladimir Solovyov. The meaning of his poetry], in Bryusov, V.Ya. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987, pp. 242–255.
7. Ivanov, V.I. Drevniy uzhas. Po povodu kartiny L. Baksta «Terror Antiquus» [Ancient horror. On L.Bakst's painting «Terror Antiquus»], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected works in 4 vol., vol. 3]. Bryussel', 1979, pp. 90–110.

8. Ivanov, V.I. Religioznoe delo Vladimira Solov'eva [The religious case of Vladimir Solovyov], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected works in 4 vol., vol. 3]. Bryussel', 1979, pp. 295–308.
9. Ivanov, V.I. Orfey rasterzannyi [Orpheus torn to pieces], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected works in 4 vol., vol. 1]. Bryussel', 1971, pp. 801–804.
10. Perepiska Bloka s S.M. Solov'evym (1896–1915) [Correspondence between Blok and S. Solovyov], in *Literaturnoe nasledstvo. Aleksandr Blok. T. 92. Kn. 1* [Literary Heritage. Aleksandr Blok. Vol. 92, book 1]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 308–414.
11. Pindar. <Gorgona> Midasu Akragantskomu [<Gorgon> To Midas of Akragant], in Pindar. Vakkhiliid. *Ody. Fragmentsy* [Odes. Fragments]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 114–115.
12. Solov'ev, V.S. «Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...»: *Stikhotvoreniya. Proza, Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [«Only the sun of love is motionless...»: Poems. Prose. Letters. Memories of contemporaries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1990. 446 p.

Individual Works

13. Solov'ev, S.M. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov. Life and creative evolution]. Moscow: Respublika, 1997. 496 p.
14. Greys, R. *Mify Drevney Gretsii* [Myths of Ancient Greece]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 1007 p.

(Articles from Scientific Journals)

15. Maksimov, D.E. *Uchenye zapiski LGPI*. 1958, vol. 184, issue 6, pp. 352–385.
16. Mints, Z.G., Yulova, A.P. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, 1983, no. 620, pp. 99–108.
17. Krokhina, N.P. *Solov'evskie issledovaniya*, 2002, issue 2(5), pp. 240–263.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

18. Glukhova, E.V. «Ya, samozvanets, "Orfey"...» (Orficheskaya mifologema v simbolistskoy srede) [“I, the impostor, “Orpheus”...” (Orphic mythologeme in a symbolic environment)], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka: k 150-letiyu Vl. Solov'eva i 110-letiyu A.F. Loseva* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age: to the 150th anniversary of Vl. Solovyov and the 110th anniversary of A.F. Losev]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 248–256.
19. Magomedova, D.M. Blok i antichnost' [Blok and antiquity], in Magomedova, D.M. *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical myth in the works of A. Blok]. Moscow: Martin, 1997, pp. 60–69.
20. Maksimov, D.E. Al. Blok i Vl. Solov'ev (po materialam iz biblioteki Al. Bloka) [Al. Blok and Vl. Solovyov: (by materials from Al. Blok's library)], in *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Tvorchestvo pisatelya i literaturnyy protsess»* [Interuniversity collection of scientific papers “The writer's creativity and literary process”]. Ivanovo, 1981, pp. 115–189.
21. Mints, Z.G. Poeticheskiy ideal molodogo Bloka [The poetic ideal of the young Blok], in *Blokovskiy sbornik*. Tartu, 1964, pp. 172–225.
22. Mints, Z.G. Blok i russkiy simbolizm [Blok and Russian symbolism], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok* [Literary Heritage. Vol. 92. Aleksandr Blok]. Moscow: Nauka, 1980, book 1, pp. 99–173.
23. Mints, Z.G. A. Blok i V. Ivanov. Stat'ya 1: Gody pervoy russkoy revolyutsii [A. Blok and V. Ivanov. Article 1: The Years of the First Russian Revolution], in Mints, Z.G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Aleksandr Blok and Russian writers]. Saint-Petersburg: Iskusstvo SPb, 2000, pp. 619–627.
24. Silard, L. «Orfey rasterzannyi» i nasledie orfizma [“Orpheus torn to pieces” and the legacy of orphism], in Silard, L. *Germetizm i germenetika* [Hermeticism and hermeneutics]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2002, pp. 85–99.

25. Yansen, A. Stikhotvorenie «Tri podviga» – klyuch k ponimaniyu filosofii lyubvi Vl. Solov'eva kak trekhchlenного protsessa [The poem “Three Exploits” is the key to understanding Solovyov's philosophy of love as a creative process], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka: k 150-letiyu Vl. Solov'eva i 110-letiyu A.F. Loseva* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age: to the 150th anniversary of Vl. Solovyov and the 110th anniversary of A.F. Losev]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 119–130.

(Monographs)

26. Igosheva, T.V. *Rannaya lirika A.A. Bloka (1898–1904). Poetika religioznogo simvolizma* [Early Lyrics by A.A. Blok (1898–1904). Poetics of Religious Symbolism]. Moscow: Yask, Global Kom, 2013. 398 p.

27. Orlov, V.N. *Aleksandr Blok. Ocherk tvorchestva* [Alexander Blok. Essay of creativity]. Moscow: GIKhL, 1956. 262 p.

28. Sarychev, V.A. *Fenomen russkogo modernizma. Religiya. Estetika. Tvorchestvo zhizni* [The phenomenon of Russian modernism. Religion. Aesthetics. Creativity of life]. Moscow: Flinta, 2018. 704 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

29. Bolnova, E.V. *Retseptsiya mifa ob Orfee i Evridike v literature Serebryanogo veka*. Diss. ... kand. filol. nauk [Reception of the myth of Orpheus and Eurydice in the literature of the Silver Age. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod, 2017. 283 p.